

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1382–1397, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811, 81-23

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1382-1397

Категория падежа в ваховском хантыйском языке (на материале современных полевых данных базы LingvoDoc)

Виктория Владимировна Воробьева^{1,2}, Ирина Владимировна Новицкая³

¹ Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. А. Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет (д. 30, пр. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-8729-0375. E-mail: vorobeva[at]tpu.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет (д. 36, пр. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент, профессор

 0000-0003-1559-8810. E-mail: irno2012[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Воробьева В. В., Новицкая И. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В диалектах хантыйского языка категория грамматического падежа проявляет свой во многом неоднородный характер и варьирует в количественном и качественном отношении. В восточных диалектах хантыйского языка состав репрезентантов данной категории определяется лингвистами по-разному, что связано с расхождением в трактовке статуса некоторых падежных показателей. *Цель* настоящей статьи заключается в систематизации данных о выделяемых в ваховском диалекте хантыйского языка падежных показателях, представленных в научных исследованиях XIX–XX вв., и сопоставлении их с данными полевых экспедиционных материалов XXI в., оцифрованных на платформе для самостоятельной работы LingvoDoc. *Методология.* Анализ опубликованных данных по ваховскому диалекту осуществлялся с применением описательно-сопоставительного и структурного методов исследования. Полевые данные по ваховскому и хантыйскому диалектам получены в сочетании с непосредственным наблюдением над речью носителей хантыйского языка, опросом, собеседованием по разным темам, фиксацией высказываний с помощью различных технических средств, расшифровкой записей. *Результаты.* Обзор научной литературы прошлых столетий по ваховскому хантыйскому показывает разброс мнений о количестве засвидетельствованных падежных маркеров и их функциональной специфике, несовпадение подходов к терминованию некоторых из них, вариантность обозначений морфемной формы. Анализ современных экспедиционных материалов с помощью функционала платформы LingvoDoc и сопоставление результатов с данными исследований предшествующих периодов позволяет подтвердить устойчивость ваховской хантыйской падежной системы, выявить источник терминологической синонимии в области именной парадигмы, разработать классификацию падежных маркеров на

основе особенностей их функционирования. Опора на функциональный параметр позволяет отграничить падежный маркер с преимущественно грамматической ориентацией от группы падежных показателей, профиль которых связан с выражением семантических отношений. В группе семантических падежей также возможно последующее дробление на подгруппы, обусловленное типом семантической специализации отдельных падежных маркеров. *Выводы.* В заключение следует отметить, что семантические падежи распадаются на подгруппу падежей с пространственной семантикой, подгруппу с семантикой совместности действия и подгруппу, объединяющую падежи с косвенной семантикой. Распределение падежных формантов на подгруппы осложняется синкретизмом семантики большого числа падежных морфем, что в итоге приводит к некоторой размытости границ подгрупп и вариантности в терминологическом номинировании падежных морфем.

Ключевые слова: хантыйский язык, ваховский диалект, категория падежа, полевые данные, LingvoDoc

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (№ 20-18-00403, <https://rscf.ru/project/20-18-00403/>).

Для цитирования: Воробьева В. В., Новицкая И. В. Категория падежа в ваховском хантыйском языке (на материале современных полевых данных базы LingvoDoc) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1382–1397. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1382-1397

The Category of Case in Vakh Khanty: A Study of Recent LingvoDoc-Based Field Data

Victoria V. Vorobeva^{1,2}, Irina V. Novitskaya³

¹ Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Research Associate

² Tomsk Polytechnic University (30, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-8729-0375. E-mail: vorobeva[at]tpu.ru

³ National Research Tomsk State University (36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor

 0000-0003-1559-8810. E-mail: irno2012[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Vorobeva V. V., Novitskaya I. V., 2023

Abstract. Introduction. In Khanty dialects, the category of grammatical case shows its largely heterogeneous character and varies in terms of quantity and quality. As for Eastern Khanty, linguists hold different views on the composition of this category and its representatives, which results from a discrepancy in interpreting statuses of some case indicators. *Goals.* The article seeks to systematize available data on case indicators identified in Vakh Khanty and presented in scholarly studies of the nineteenth-twentieth centuries, compare them to field data obtained in the twenty first century and digitized on the LingvoDoc platform for independent research. *Methods.* The analysis of published data on Vakh Khanty has been carried out via the descriptive/comparative and structural research methods. Field data collection techniques for Vakh Khanty included direct observations of native speakers' speech, a survey, interviews on various topics, audio recordings, and transcriptions of the latter. *Results.* Our review of the scholarly literature from the past centuries on the Vakh Khanty dialect shows a variety of opinions about the number of attested case markers and their functional specifics, an inconsistency of approaches to terming some of them, and a variance of the morphemic form designations. Analysis of the contemporary field data with the LingvoDoc platform's functional tools and comparison of the results against some previously described data do confirm a stability of the Vakh Khanty dialect case system, identify the source of terminological synonymy in the nominal paradigm, and develop

a classification of case markers based on their functional features. The functional parameter makes it possible to distinguish between a case marker with a predominantly grammatical orientation and a group of case markers whose profile is associated with the expression of semantic relations. In the group of semantic cases, further division into subgroups is also possible, due to the type of semantic specialization of individual case markers. *Conclusions.* Semantic cases fall into a subgroup of cases with spatial semantics, a subgroup with the semantics of compatibility, and a subgroup that combines cases with oblique (indirect) semantics. The distribution of case formants into subgroups is complicated by certain syncretism of semantics in a large number of case morphemes, which ultimately leads to some blurring of the subgroups' boundaries and a variance in the terminological nomination of case morphemes.

Keywords: Khanty language, Vakh dialect, category of case, field data, LingvoDoc

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 20-18-00403 'Digital Description of Uralic Languages on the Basis of Big Data'.

For citation: Vorobeva V. V., Novitskaya I. V. The Category of Case in Vakh Khanty: A Study of Recent LingvoDoc-Based Field Data. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1382–1397. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1382-1397

1. Введение

Хантыйский язык известен своей выраженной диалектной раздробленностью. Территориально смежные говоры и диалекты близки между собой, но крайние точки диалектного континуума имеют различия, которые затрудняют взаимопонимание носителей этих диалектов. Существенные диалектные расхождения проявляются в именной и глагольной грамматических системах даже в диалектах одной группы [Vorobeva, Novitskaya 2020: 36].

В настоящем исследовании мы остановимся на категории падежа, которая привлекает внимание своей ярко выраженной разнородностью при сравнении крайне северных диалектов с крайне восточными. Количество падежей в хантыйских диалектах может варьироваться от трех до одиннадцати. В северных диалектах количество падежей ограничено тремя представителями, т. е. самым наименьшим количеством по сравнению с другими диалектами. При этом важно отметить, что состав падежной парадигмы во всех северных диалектах не совпадает. Например, в казымском диалекте выделяются номинативный, лативный и локативный падежи, в то время, когда в приуральском диалекте — номинативный, локативный и транслативный. Из доступных материалов описательных грамматик и заметок следует, что в не существующих уже в настоящее время южных диалектах выделялось пять-шесть падежей. Например,

в кондинском диалекте, который описал П. К. Животиков, было пять падежей: номинативный, лативный, комитативно-инструментальный, локативный и аблативный [Животиков 1942: 15]; согласно наблюдениям М. А. Кастрена, сделанным в середине XIX в., в иртышском диалекте было шесть падежей: номинативный, дативный, инструментальный, локативный, аблативный и абессивный [Кастрен 1849: 42].

В восточных диалектах категория падежа представлена от семи до одиннадцати единицами. Л. Хонти выделяет самое большее количество падежей в некоторых говорах сургутского диалекта [Honti 1986: 60–61]. Согласно научным источникам, количество падежей даже в одном и том же диалекте может значительно отличаться. Например, в ваховском диалекте хантыйского языка, являющемся объектом настоящего исследования, К. Ф. Карьялайен и Е. Вертеш выделяют семь падежей [Karjalainen, Vértes 1964: 149–151], Н. И. Терешкин — восемь падежных формантов [Терешкин 1961: 42], а Я. Гуйя упоминает десять падежных морфем [Gulya 1966: 53–54]. Согласно нашей точке зрения, данная ситуация возникает из-за несогласованного статуса морфемы некоторых падежей, которую одни лингвисты считают самостоятельным элементом в предложении, другие — грамматическим элементом, служащим для выражения синтаксических связей.

Еще одним дискуссионным вопросом является терминология падежей. Одна и та же падежная морфема может получать различное терминологическое обозначение у разных авторов. Чаще всего это встречается в диалектах с большим количеством падежей, например, в восточных. Так, морфема *-a/-ä* в ваховском диалекте определена Н. И. Терешкиным как маркер направительно-целевого падежа [Терешкин 1961: 46], К. Ф. Карьялайненом — дативного [Karjalainen, Vértés 1964: 149–151], Л. Хонти — лативно-дативного падежа [Honti 1986: 39], а Я. Гуйя — лативного [Gulya 1966: 53–54]. Объяснением этого феномена может служить тот факт, что большинство падежных суффиксов многофункциональны, что и является причиной несогласованности терминологии падежей.

Целью настоящего исследования являются обобщение и систематизация данных, полученных из грамматических заметок и очерков по ваховскому хантыйскому, относящихся к периоду с XIX в. по середину XX в., и сравнение их с нашими полевыми данными. В качестве решения сопутствующей задачи предлагается вариант унифицированной терминологии, уточнение количества падежей и распределение их по семантическим группам.

2. Материалы и методы

Данные для представления категории падежа в ваховском хантыйском были взяты из заметок К. Ф. Карьялайнена в обработке Е. Вертеш [Karjalainen, Vértés 1964: 149–151], грамматических очерков по ваховскому диалекту Н. И. Терешкина [Терешкин 1961: 42–55], из ваховско-хантыйской хрестоматии Я. Гуйя [Gulya 1966: 53–54], хрестоматии по хантыйским диалектам Л. Хонти [Honti 1986: 39], диссертационного исследования по категории падежа в хантыйском языке Д. Ф. Мыминой [Мымина 2006].

Современные данные по ваховскому хантыйскому получены в условиях полевых исследований в с. Корлики Ханты-Мансийского автономного округа – Югра одним из авторов статьи. Полевые данные подверглись цифровой обработке и представлены на платформе LingvoDoc [Обско-угорский 2022]. В настоящее время корпусная база данных LingvoDoc содержит более пяти тысяч слов по ваховскому диалекту и пред-

ставлена прозаическими текстами, анкетами, сказками и словарями. Весь анализ современного материала производился с привлечением функций данной платформы.

Последующий анализ падежных маркеров ваховско-хантыйского языка основывается на концепции синтаксических и семантических падежей [Мельчук 1998: 325; Плунгян 2002: 57–99; Плунгян 2003: 122].

Языковые данные собирались с использованием традиционной методики полевого исследования: непосредственное наблюдение над речью носителей хантыйского языка, опрос, собеседование по разным темам, фиксация высказываний с помощью различных технических средств, расшифровка записей. В статье при анализе источников с данными по ваховскому диалекту использовались описательно-сопоставительный и структурный методы исследования.

3. Представление категории падежа в ваховском хантыйском в хантологии

У исследователей не возникает сомнения в существовании в ваховском диалекте хантыйского языка таких падежей, как номинативный, локативный, аблативный, лативный, комитативный и обликативный. Абессивный, аллативный, компаративный и транслативный выделяются большинством хантологов, но не всеми. Из числа хантологов только Л. Хонти выделяет дистрибутивный и темпорально-дистрибутивные падежи в ваховском диалекте [Honti 1986: 39].

Все выявленные исследователями падежи можно распределить по двум группам: синтаксической (грамматической) и семантической.

В синтаксическую группу входят номинативный и в некоторых случаях локативный падежи. Номинативный падеж материально не выражается. В отличие от большинства других уральских языков, в именную падежную парадигму которых входит аккузативный и генитивный падежи, в хантыйском их функция отдана номинативному падежу. Аккузативный падеж есть только в местоименной падежной системе, а генитивный не знаком хантыйскому вообще [Comrie 1988: 463]. Локатив может кодировать грамматические отношения наравне с пространственной семантикой.

Все другие падежи принадлежат к группе семантических падежей. Внутри данной

группы нам удалось выделить три подгруппы. К первой подгруппе можно отнести падежи пространственной семантики: аблативный, аллативный, лативный, локативный. Лативный падеж из данной подгруппы способен маркировать не только пространственную семантику, но и семантику реципиента действия. Вторая подгруппа включает абессивный и комитативный падежи, кодирующие совместные или раздельные отношения. Третья подгруппа включает дистрибутивный, обликативный и транслативный падежи, с помощью которых кодируются обстоятельственные или «косвенные» отношения.

В ваховском хантыйском пять падежей отличаются многофункциональным характером. Многофункциональность падежных маркеров может быть связана с редукцией хантыйской падежной системы по сравнению с другими уральскими языками. В типологических исследованиях утверждается, что синкретическая семантика того или иного падежного признака основывается на близости синкретизируемых значений [Ганенков 2002: 3].

Многофункциональные маркеры обнаружены в обеих группах, т. е. среди синтаксических и семантических падежей, и представлены номинативным, аблативным, лативным, локативным, комитативным падежами. Например, маркер лативного падежа *-a/-ä* в ваховско-хантыйском может кодировать значение лативного, иллативного, аллативного падежей, а также семантику реципиента. Как следствие, в восточной хантологии встречается несколько терминов этого маркера: направительный [Терешкин 1961: 46], лативный [Csepregi 1998 17; Чепреги 2017: 89], лативный-дативный [Honti 1986: 60], иллативный-дативный [Filchenko 2007: 84], лативный, иллативный, дативный [Karjalainen, Vértes 1964: 102, 149–151, 207–209], аллатив [Мырина 2006: 7–8]. Я. Гуйя не дает никакого терминологического обозначения падежам, он просто указывает, какие функции выполняет тот или иной маркер, например маркер *-a/-ä* имеет 1) лативное (иллативное, сублативное, аллативное), 2) темпоральное, 3) иллативное [Gulya 1966: 53–54].

В настоящей работе данная падежная морфема будет терминироваться как показатель лативного падежа. Ввиду многофункциональности падежных маркеров в хантый-

ском языке мы приняли упрощенный способ их обозначения: название падежа диктуется центральной / ключевой функцией маркера и терминируется в соответствии с традиционной системой падежных названий, т. е. в представленной нами падежной парадигме вах-хантыйского используются базовые обозначения, а именно: номинативный, аблативный, аллативный, лативный, локативный, абессивный, комитативный, компаративный, дистрибутивный, объектный, транслативный падежи. Таким образом, мы будем использовать «LAT» для обозначения соответствующей морфемы в глоссированной строке, хотя ее фактическая функция в конкретном предложении может заключаться в выражении иллативной или дативной семантики. В каждом примере точная функция, в которой падежный маркер используется в предложении, указывается после знака двоеточия после перевода, например,

- (1) *ämp kat-a jö-yäs*
 собака дом-LAT входить-PST2.3SG
 ‘Собака вошла в дом’: *illative*

Полная падежная парадигма ваховского диалекта представлена в таблице 1. В таблице указаны все падежные термины, встречающиеся в грамматиках по ваховскому диалекту [Karjalainen, Vertes 1964: 149–151; Терешкин 1961: 42–55; Gulya 1966: 53–54; Honti 1986: 39; Мырина 2006: 7–8]. Параллельные обозначения падежных показателей ваховского хантыйского приводятся в скобках с указанием первой буквы фамилии автора, предложившего данный термин. Например, абессив (каритив К), локативный (местный падеж Т, локатив Х, инструменталис-комитатив М), в которых К означает Карьялайнен, Т — Терешкин, Х — Хонти, М — Мырина, Г — Гуйя. Обозначение ПД кодирует полевые данные. Обозначение «—» означает, что у данного автора (авторов) данный падеж не представлен. В таблице все падежи представлены в алфавитном порядке в каждой из трех упомянутых выше групп.

Все данные таблицы заимствованы из [Karjalainen, Vertes 1964: 149–151; Терешкин 1961: 42–55; Gulya 1966: 53–54; Honti 1986: 39; Мырина 2006: 7–8] и собственных полевых данных.

Таблица 1. Свод падежных маркеров ваховского диалекта
[Table 1. A set of case markers in the Vakh dialect]

№.	Падеж	Маркер	Примеры
<i>Синтаксическая группа</i>			
1	Номинативный (Основной Т)	Ø	<i>köləy</i> ‘ягушка’
<i>Семантическая группа 1</i>			
2	Аблативный (Отложительно-продольный Т) (Исходный Х)	<i>oy/χ</i> (К) <i>oy/öy/ay/äy</i> (Т) <i>oy/öy</i> (Г, Х, ПД)	<i>lök-öy</i> дорога-ABL ‘вдоль дороги’ <i>weli-t-öy</i> олень-PL-ABL ‘от оленей’ <i>jəŋk-öy</i> вода-ABL ‘из воды’ <i>siwl-äl-öy</i> шея-POSS.3SG-ABL ‘за его шею’
3	Аллативный (Направительный Т) (Апроксимитатив Х)	— (К) <i>(a)pa/</i> <i>(ä)pä</i>	<i>wont-apa</i> лес-ALL ‘в лес’ <i>jaŋ-(a)pa</i> люди-ALL ‘к людям’ <i>kürək-(ä)pä</i> орел-ALL ‘к орлу’
4	Лативный (Датив К) (Направительно-целевой Т) (Латив-Датив Х) Аллатив (М)	<i>a/ä</i>	<i>kat-a</i> дом-LAT ‘в дом’ <i>ul-a</i> ягода-LAT ‘за ягодами’ <i>pəsän-ä</i> стол-LAT ‘на столе’ <i>koŋ-ä</i> болото-LAT ‘к болоту’
5	Локативный (Локатив Х) (Местный Т) (Инструменталис-комитатив М)	<i>ne</i> (К) <i>nə/nə</i>	<i>köjñi-nə</i> комар-LOC ‘комар’ <i>niŋ-nə</i> женщина-LOC ‘женщиной’ <i>joŋən-nə</i> река-LOC ‘в реке’ <i>pörki-nə</i> дымокур-LOC ‘у дымокура’ <i>toŋi-nə</i> весна-LOC ‘весной’
<i>Семантическая группа 2</i>			
6	Абессивный (Каритив К)	<i>ləχ</i> (К) — (Т, М) <i>ləy/ləy</i> (Г, Х, ПД)	<i>ämp-ləy</i> собака-ABS ‘без собаки’ <i>majtik-ləy</i> мыло-ABS ‘без мыла’ <i>awet-l-am-ləy</i> волосы-PL-POSS.1SG-ABS ‘без волос’
7	Комитативный (Творительно-совместный Т) (Инструменталис-комитатив М)	<i>nät</i> (К) <i>na/nä</i> (Т, ПД) <i>nät(i)/nat(i)</i> (Г) <i>nat/nät</i> (Х)	<i>weli-nä-ti</i> олень-COM ‘на оленях’ <i>läjəm-nä</i> топор-COM ‘с топором’ <i>n’əŋi-kiŋi-na-ti</i> дети-COM-PRTC ‘с детьми’ <i>köŋäl-nä-ti</i> чашка-COM-PRTC ‘с чашкой’ <i>torət qos-ət-na-ti</i> небо звезда-PL-COM-PRTC ‘Небо со звездами’

8	Компаративный	<i>n̄iŋit</i> /SG (K) — (Т, Х, М, ПД) <i>n̄iŋə(t)/</i> <i>n̄iŋə(t)</i> (Г)	<i>tim ʔat tom ʔat n̄iŋət əl[ə-ki]</i> этот дом тот дом-COMP большой-PRED ‘Этот дом больше, чем тот’ [Gulya 1966: 57]
<i>Семантическая группа 3</i>			
9	Дистрибутивный	— (K, Т, Г) <i>təltə/təltä</i> (X) <i>-(ə)təl/-(ə)təl</i> (ПД)	<i>ěj way-ət-təltə tintə-s-i</i> животное-PL-DISTR pay-PST1-PASS.3SG ‘По животному с каждого в качестве оплаты’ [Honti 1986: 64]
10	Обликативный (Инструктивно-финальный Х) (Творительно-объектный Т) (Инструменталис-объектив М)	— (K) <i>(t)ə/(t)ə</i>	<i>suməny-ə</i> платок-OBJ ‘платком’ <i>läŋki-tə</i> белка-OBJ ‘белкой’
11	Транслативный (Превратительный Т)	— (K) <i>y/əy/əy (< ʔə/ʔə)</i> (Т, ПД)	<i>ač-əʔ</i> овца-TRL ‘(превратиться) в овцу’ <i>lujwəy ʔat-əʔ jə-s</i> кольцо дом-TRL становиться-NPST.3SG ‘Кольцо превратилось в дом’

В целом исследователи не придерживаются единого мнения ни о количестве именных падежей в ваховском диалекте, ни о диапазоне их функций и семантики. К. Ф. Карьялайнен утверждает, что в ваховском диалекте всего семь именных падежей (из списка исключены обликативный, аллативный и транслативный), а сравнительный (компаративный) падеж охватывает только существительные в единственном числе. Н. И. Терешкин различает в диалекте только восемь именных падежей, не считая абессивный и сравнительный падежи. Суффикс *-ləy/-ləy* классифицируется Н. И. Терешкиным как словообразовательный со значением лишения [Терешкин 1961: 57]. Я. Гуйя добавляет к падежной системе этого диалекта еще два падежа — абессивный и сравнительный, что в сумме дает десять падежей. Л. Хонти также выделяет в этом диалекте десять падежей, однако сравнительный падеж он заменяет дистрибутивным.

Данные, представленные в таблице (см. табл. 1), включают одиннадцать упоминаемых в литературе падежей по ваховскому диалекту:

- абессивный,
- аблативный,
- аллативный,
- дистрибутивный,
- комитативный,
- компаративный,

- лативный,
- локативный,
- номинативный,
- обликативный и транслативный.

В некоторых случаях для обозначения одного и того же звука в составе падежной морфемы исследователи использовали разные символы. Это объясняет кажущуюся вариацию падежных маркеров, представленную в таблице (см. табл. 1). Например, окончание абессивного падежа вводится как *-ləy/-ləy* Я. Гуйя и Л. Хонти и как *-ləx* К. Ф. Карьялайненом; местный падеж также представлен двумя вариантами: *-nə/-nə* (по Я. Гуйя и Л. Хонти) и *-ne* (по К. Ф. Карьялайненом).

4. Анализ полевых данных по категории падежа в ваховском хантыйском

Данные полевых исследований, проанализированные при помощи инструментов платформы LingvoDoc, выявили девять функционально продуктивных падежных маркеров в современном ваховском хантыйском: номинативный, аблативный, локативный, аллативный, латативный, абессивный, комитативный, обликативный и транслативный. Маркер дистрибутивного падежа имеет ограниченное использование.

Элемент *n̄iŋit*, который используется для обозначения сравнения одного предмета с другим, функционирует как автономный элемент, демонстрирующий свойства послелога,

что подтверждается нарушением гармонии гласных элемента *niŋit* с предшествующим словом. Н. И. Терешкин также определяет элемент *niŋit* как послелог. В других восточных диалектах сравнительный послелог имеет форму *niŋə* на Васюгане и *niŋktə* в Сургуте. Вот несколько примеров (2–3):

- (2) *körliki larjyak niŋit jəm-iki*
 Корлики Ларьяк от хороший-PRED
 ‘Корлики лучше, чем Ларьяк’

- (3) *tim läŋki-t tom niŋit əllə-ki-j-ət*
läŋki-t
 этот бел- тот бел- от большой-
 ка-PL ка-PL PRED-EP-PL
 ‘Эти белки больше, чем те белки’

Дистрибутивный маркер $-(ə)təl/-(ə)täl$ вызывает наибольшие противоречия среди ученых. Он упоминается как деривационный суффикс числительного в грамматиках Н. И. Терешкина и Я. Гуйя и как морфологический падежный показатель имени существительного в хрестоматии Л. Хонти [Терешкин 1961: 62–63; Gulya 1966: 71–72; Honti 1986].

Независимо от его статуса как реляционного или деривационного маркера, он имеет значение количественного разделения на душу населения, например: *ej-ätäl one-DISTR* ‘один на душу населения’, *läwt-ätäl seven-DISTR* ‘семь на душу населения’, *ej rit-ätäl one boat-DISTR* ‘одна лодка на душу населения’. Данные полевых исследований также показывают, что дистрибутивный суффикс $-(ə)təl/-(ə)täl$ употребляется как с именами числительными, так и с существительными, ср. *ej-ätäl one-DISTR* ‘один на душу населения’ и *ej kul-ätäl* одна рыба-DISTR ‘одна рыба на душу населения’, примеры (4–6):

- (4) *ejnäm ej kul-ätäl li-s-ät*
 каждый один ры- есть-PST1-
 ба-DISTR SBJ.3PL

‘Каждый съел по рыбе’

- (5) *ej-ätäl one-DISTR ej kul-ätäl*
 одна рыба-DISTR
 ‘один на душу населения’ ‘одна рыба на душу населения’

- (6) *käčəŋ ku kä rit-ätäl wə-ŋäs*
 каждый че- два лод- брать-PST2.
 ловек ка-DISTR SBJ.3SG
 ‘Каждый взял по две лодки’

Дистрибутивный маркер $-(ə)təl/-(ə)täl$ в сочетании числительного и существительного присоединяется к существительному, если существительное употребляется имплицитно, то маркируется числительное. Более того, дистрибутивный маркер был выявлен при передаче значений «один», иногда и «два», теоретически возможна передача и другого количественного значения, но практически это подтвердить не удалось. В целом дистрибутивный суффикс $-(ə)təl/-(ə)täl$ нельзя считать продуктивным из-за его достаточно узкой семантики. Кроме того, его можно рассматривать как архаичный, поскольку его использование ограничено количеством носителей языка, в основном пожилых людей, которые могли предоставить образцы речи.

В следующей части исследования мы остановимся на падежных маркерах, которые не вызывают явно выраженных противоречий среди хантологов, но все же имеют свои особенности употребления.

В ваховском хантыйском имена существительные в грамматической функции подлежащего и прямого дополнения не маркируются. Из этого следует, что кодирование субъекта и объекта сказуемого осуществляется посредством материально невыраженного **номинативного маркера**. См. примеры (7–8). Кроме того, местным падежом могут обозначаться и грамматические функции (см. примеры ниже (18–21)).

- (7) *püt’k-äli joŋpa porəŋlə-s*
 птица-DIM домой летать-PST1.
 SBJ.3SG

‘Птица полетела домой’: *nominative*.

- (8) *put wer-l-üŋ n’ir pas jan-tə-l-üŋ*
 котел ва- нырики варежки шить-
 рить-NPST- TR-NPST-
 SBJ.1PL SBJ.1PL

‘Есть варим (котел варим), нырики, рукавицы шьем’: *accusative*

Кроме того, в исследуемом диалекте зависимое существительное в посессивной конструкции также имеет материально невыраженный маркер номинативного падежа. Для сравнения: в уральских языках в таких образцах преимущественно используется родительный падеж. Приведем пример посессивной конструкции из ваховского диалекта (9):

- (9) *ninjay* *köläy* *qaw jan-tə-l-üy*
женщины ягушка прочее шить-
TR-NPST-
SBJ.1PL

‘Женскую ягушку и прочее шьем’: *genitive*

Семантическая группа пространственных падежных маркеров включает аблативный, аллативный, лативный и, в некоторых случаях, локативный, объединяющие «ориентацию» с «положением / направлением / стативным местоположением». Падежные маркеры аблатива, латива и локативного падежей многофункциональны.

Примеры (10–11) демонстрируют использование **аблативного маркера** *-oy/-öy*, семантика которого указывает на исходную точку движения, отсчета, отметки движения или действия «от» или пролативное значение движения «вдоль, через, по»:

- (10) *weli* *söj-oy* *mäñ-än* *wer-l-ät*
олень шкура- 1PL- делать-
ABL LOC NPST-
PASS.
3PL
- t'ut-oy* *melti* *qaw* *jan-tə-l-üy*
этот- малица прочее шить-TR-
ABL NPST-
SBJ.1PL

‘Из оленьей шкуры мы делаем, и из этого малицу и прочее шьем.’: *ablative*

- (11) *kiriw* *way-oy* *män-wäl*
мотор- лодка Вах- идти-NPST.
ная ABL SBJ.3SG

‘Моторная лодка плывет вдоль реки Вах’: *prolative*

Аллативный маркер *-pa/pä* используется для передачи пространственного значения, указывающего на объект, на который направлено действие как конечный пункт движения (пример 12). Происхождение данного маркера может быть связано с послелогом *-pla/-peta* ‘по направлению’ в южном и северном диалектах [Терешкин 1961: 45]. По сути, аллативный падеж дублирует одну из функций лативного падежа в ваховском хантыйском, но, тем не менее, лативный маркер не вытеснил монофункциональный аллативный маркер и регулярно наблюдается в образцах речи

ваховских ханты, например:

- (12) *mä institut-* *onälta-* *män-yaš-ät*
pa *yäl-tä*
1SG учить- идти-
инсти- ся-INF PST2-SBJ.
тут-ALL 1SG

‘Я уехал учиться в институт’: *allative*

Маркер лативного падежа *a/-ä* полифункционален. Этот падежный показатель может передавать пространственное значение иллатива, указывающее на конечный (внутри чего-либо) пункт траектории движения одного из участников ситуации движения, и значение латива, обозначающее цель, на которую направлено действие (13–14).

- (13) *pirnə* *to yj-nə* *mäñ-än* *koj-ä*
os *weli-t-öy*
потом весна- еще 1PL- боло-
LOC LOC LOC та-LAT
олень-PL-
ABL
- niy* *tulatət* *päni tət* *mäñ-än*
квер- вести еще там 1PL-LOC
ху держа

‘Потом весной мы еще оленей к болоту уводим и там держим’: *illative*

- (14) *weli-nä-ti* *iki* *ku-j-t os*
олень-COM- старик мужчи-
PRTC на-EP-PL
еще
- wajy-a* *käñč-il-tä* *män-wäl-t*
зверь-LAT искать- идти-
MULT-INF NPST-
SBJ.3PL
- n'öyäs-a* *käñč-il-wäl-t* *läñki-j-ä*
соболь-LAT искать- белка-EP-
MULT- NPST- LAT
SBJ.3PL
- käñč-il-wäl-t*
искать-MULT-NPST-SBJ.3PL

‘На оленях старики охотятся, соболей, белок добывают’: *lative*

Еще одной функцией маркера лативного маркер *-a/-ä* является кодирование реципиента (15):

- (15) *pəy-ali āni-l-ä t'uti jəy-
iyän...*
маль- сестра- так гово-
чик-DIM POSS. рить-NST.
3SG-LAT SBJ.3SG

‘Мальчик своей сестре так говорит’: *dative*

Локативный маркер -nə/-nə также является полифункциональным. Он указывает на стативное, пространственное или временное местоположение (16–18):

- (16) *tim löŋ-nə emtär ät'äy-äki*
этот лето-LOC озеро холодно-
e-PRED

‘Вода холодная в этом озере летом’: *locative*

- (17) *mā munḡə lawḡə-nə pam juḡ liwət*
1SG PRTC тра- дерево лист
мага- ва-LOC
зин-LOC
ḡorasəw täs wä-yäs-əm
похожий матери- братъ-PST2-
ал SBJ.1SG

‘Я-то в магазине зеленый (похожий на цвет травы) купила’: *locative*

- (18) *iki mā toŷä-nə nuḡ li-s-uj-əm tom*
старик 1SG огонь- вверх есть-
LOC PST1-PASS-
1SG тот
peḡk-äm kiräyt-ä
сторона- 1SG пе-
POSS реворачи-
вать-IMP.
SBJ.SG

‘Старик, я поджарился (буквально: я огнем на-
елся), переверни меня’: *agentive*

Местный маркер -nə/-nə также используется для обозначения агента при пассивном сказуемом.

Локативный маркер может кодировать подлежащее активного сказуемого и, таким образом, разделять синтаксическую функцию номинативного маркера. По мнению Д. Ф. Мыриной, подобное употребление локативного маркера связано с актуальным членением предложения, так как агентивная форма, маркированная локативным маркером, обозначает центр внимания, и с его по-

мощью указывается тема текста. В связи с этим также можно говорить о реализации в хантыйском языке категории определенности / неопределенности, характерной для уральских языков. Так, при сопоставлении двух примеров активной конструкции, где 1) агент употребляется в номинативной форме и 2) агент имеет показатель локативного падежа, становится очевидным, что локативный маркер подчеркивает определенность агента (в отличие от конструкции с номинативным показателем), указывая на то, от кого именно исходит действие, либо кому оно принадлежит [Мырина 2006: 13].

- (19) *käčəŋ jernäs-ä män-t mäs-yäs-ät
ni-nə*

каждая женщи- платье-OBJ 1SG-
на-LOC ACC давать-PST2-
SBJ.3PL

‘Каждая женщина дала мне платье (буквально: каждой женщиной платьем мне давали)’: *agentive*

Более того, в современном ваховском хантыйском локативный маркер -nə/-nə присоединяется к подлежащему в конструкции со сказуемым, имеющим пассивный маркер 3SG -i/-i. Маркер -i/-i используется со всеми лицами и числами подлежащего. Конструкция не имеет пассивного значения. Конструкция с пассивным маркером часто используется в реальной речи ваховских ханты, но ранее детально не описывалась. Эта конструкция характерна только для восточных диалектов. В ходе экспедиционной работы мы повсеместно встречали образцы с данной конструкцией в речи ваховских и аганских ханты. Детальное описание и анализ применения данной конструкции может стать задачей нового исследования в перспективе. Приведем несколько примеров с данной конструкцией для иллюстрации:

- (20) *äni-sä- əḡə por ḡayrəmtə-s-ḡ*
yän-nə
сестра- вместе пешня хватать-
DERIV- PST2-PASS.3SG
DU-LOC
*pāni səwəs iki waməs-a poyləm-
s-ḡ*
и лесной. старик ягодицы-LAT ты-
дух кать-PST2-PASS

‘Сестра с братом вместе пешню схватили и Севсики в ягодицы ткнули’:

- (21) *kolya-j-ən ilən mən-yäs-i*
 3SG-EP- LOC рано покидать-PST2.
 PASS.3SG
 ‘Коля рано ушел’:

Анализ функциональных особенностей локативного маркера свидетельствует о том, что данный показатель обладает самой высокой полифункциональностью в силу его вовлеченности в сферу средств выражения не только пространственной семантики, но и грамматических отношений.

Остальные падежные маркеры, а именно: показатели абессивного, дистрибутивного, комитативного, объектного и транслативного падежей — имеют различную «адвербиальную» и «косвенную» семантику.

Комитативное значение маркера *-na/-nä* представляет собой континуум комитативного и орудийного значений. Несмотря на существующие связи между комитативным и орудийным значениями, которые составляют ядро семантики конструкций с предлогом совместности, типологические исследования 280 языков, проведенные Т. Штольцем [Stolz 1966], показывают, что только 23 % идиомов обладают синкретическими инструментально-комитативными маркерами. В ваховском языке комитативный маркер *-na/-nä* может обозначать совместность, инструмент, материал и средство передвижения.

- (22) *paŋ-ət-nə n'uyəl-l-i jəŋk-i*
 мальчик- преследо- вода-DERIV
 PL-LOC вать-
 NPST-
 PASS
köyäl-nä-ti jəŋk-i köyäl-nä
 чашка- во- чашка-COM
 COM-PRTC да-DERIV

‘Мальчики бегут за мамой с чашкой воды’:
comitative

- (23) *mən-nə ämp juŋ-na joŋim-s-i*
 1SG-LOC собака палка-COM уда-
 рять-PASS-3SG

‘Я ударил собаку палкой’: *instrumental*

Дискуссионным вопросом среди ханто-

логов является форма этого падежного маркера, которая чаще других падежных морфем обладает способностью принимать частицу *-t(i)/t(i)*, приобретая форму *-nat/-nät* или *-nati/-näti* [Терешкин 1961: 51; Gulya 1966: 57].

Наши собственные полевые данные показывают, что частица *ti/ti* не влечет за собой изменения значения маркера *-na/-nä*, о чем может свидетельствовать пример (22), в котором одно и то же слово с маркером *-na/-nä* употребляется с частицей и без нее. Причиной подобной вариативности, возможно, является стремление либо к благозвучности языковых форм, либо к привлечению внимания. Частица носит универсальный характер, может добавляться как к любым именным, так и к глагольным маркерам, ср. примеры (24–25), но частотность ее употребления с комитативным маркером преобладающая:

- (24) *masha päsän olwentəy tayta-na-ti*
 Маша стол матери- кусок-COM-
 ал PRTC
töy seyätä-yäs-ti
 там вытирать-PST2.SBJ.3SG-PRTC

‘Маша вытерла стол тряпкой’:

- (25) *mä kəŋčil-s-əm kul-a-ti*
 1SG искать-PST1- рыба-LAT-
 SBJ.1SG PRTC

‘Я рыбачил’:

В плане семантики маркеру локативного падежа противопоставляется маркер **абессивного падежа** *-ləŋ/-läŋ*, который кодирует значение ‘отсутствие чего-либо’ (см. пример (25)). Маркер является монофункциональным, не демонстрируя никаких особенностей употребления. Единственный факт, который может привлечь внимание, это отсутствие данного показателя в парадигме именного склонения, приведенной Н. И. Терешкиным, так как, видимо, он зачислен к деривационным суффиксам.

- (26) *mä ämp-ləŋ qoŋa-l-em*
 1SG собака-ABS идти-NPST-
 SBJ.1SG

‘Я иду без собаки’: *abessive*

Маркер обликативного падежа *-(t)ə/-(t)* э выделяется как морфема, обозначающая

Таблица 2. Сравнение ваховских падежных маркеров по материалам грамматик и современных полевых исследований
 [Table 2. Comparison of the Vakh case markers based on materials from the grammars and the latest field research]

No.	Падеж	Маркеры / Карьялайнен (К), Терешкин (Т), Гуйя (Г), Хонти (Х), Мымрина (М)	Примеры
Синтаксическая группа			
1	Номинативный		Ø
Семантическая группа 1			
2	Аблативный (Отложительно-продольный Т)	оу/х (К) оу/öу/ау/äу (Т) оу/öу (Г, Х)	оу/öу
3	Аллативный (Направительный Т) (Апроксиматив Х)	— (К) (а)pa/(ä)pä	(а)pa/(ä)pä
4	Лативный (Датив К) (Направительно-целевой Т) (Латив-Датив Х) Аллатив (М)	a/ä	a/ä
5	Локативный (Локатив Х) (Местный Т) (Инструменталис-комитатив М)	ne (К) nə/nä	nə/nä
Семантическая группа 1			
6	Абессивный (Каритив К)	ləx (К) — (Т) ləy/läy (Г, Х)	ləy/läy
7	Комитативный (Творительно-совместный Т) (Инструменталис-комитатив М)	nät (К) na/nä (Т) nät(i)/nat(i) (Г) nat/nät (Х)	na/nä
8	Компаративный	nìṇit/SG (К) — (Т, Х) niṇə(t)/niṇä(t) (Г)	—
Семантическая группа 2			
9	Дистрибутивный	— (К, Т, Г) təltə/tältä (Х)	-(ə)təl/-(ä)t
10	Обликативный (Инструктивно-финальный Х) (Творительно-объектный Т) (Инструменталис-объектив М)	— (К) (t)ə/(t)ä	(t)ə/(t)ä
11	Транслативный Превратительный (Т, Х)	— (К) y/əy/äy (< ɣə/kä)	y/əy/äy (< ɣə/kä)

хантыйского языка, свидетельствуют о зафиксированных исследователями языковых явлениях в динамическом аспекте, что позволяет отследить факты языковых изменений и выявить закономерности в их реализации.

Широкое внедрение в исследовательский процесс цифровых технологий способствует получению более точных и верифицируемых результатов на основе обработки большого массива языковых данных. Платформа для совместной работы LingvoDoc уже содержит значительный по объему текстовый корпус полевых данных на диалектах хантыйского языка, аналитическая обработка которого посредством поискового функционала цифрового ресурса позволяет минимизировать временные ресурсы на получение требуемого фактического материала.

Категория падежа в ваховском диалекте хантыйского языка, проанализированная по материалам грамматических пособий прошлого века и новейшим оцифрованным полевым данным, сохраняет свой системный характер и не обнаруживает признаков свертывания или ослабления. Устойчивость системы падежных показателей сохраняется на протяжении всего периода изучения хантыйских диалектов, однако ввод в научный оборот результатов наблюдений за функциональной спецификой отдельных падежных форм вызвал появление терминологической синонимии, представляющей источник для научных дискуссий. В настоящей работе представлено обобщение различных под-

ходов к терминованию засвидетельствованных падежных показателей в ваховском хантыйском, на основе которого предложена авторская классификация падежей по грамматическому и семантическому признакам. В отличие от грамматической группы, которая фактически представлена одним репрезентантом, а именно, номинативным падежом, совокупность семантических падежей может быть разбита на три подгруппы, одна из которых связана с маркированием различных нюансов пространственной семантики (аблативный, аллативный, лативный, локативный падежи). Во вторую подгруппу включены падежные показатели, функционально ориентированные на выражение семантики совместности/раздельности (комитативный и абессивный падежи), а в третью — семантики косвенных падежей (дистрибутивный, объектный и транслативный падежи).

Спецификой большинства семантических падежей является их полифункциональность, которая заключается в синкретичности передаваемых падежными показателями значений. Наибольшую полифункциональность обнаруживает маркер локативного падежа, особенностью которого является его вовлеченность в области грамматических и семантических отношений. Число монофункциональных падежных маркеров невелико и охватывает абессивный, объектный и транслативный падежные морфемы.

Сокращения

ABL — аблатив
ABS — abessive
ACC — аккузатив
ALL — аллатив
COM — комитатив
DIM — диминутивный
DERIV — деривационный
DISTR — дистрибутивный
DU — двойственный
IMP — imperative
EP — эпентетический
LAT — лативный
LOC — локативный

MULT — мультипликативный
NPST — непрошедшее
NST — бессуффиксальное
OBJ — обликативный
PST1 — прошедшее на -s
PST2 — прошедшее на -yas/-yäs
PASS — пассивный
PL — множественный
POSS — посессивный
PRTC — частица
SBJ — субъектный
SG — единственный
PRED — предикативный
TR — транслативный

Литература

Ганенков 2002 — Ганенков Д. С. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики.

Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира: сб. ст. / ред. В. А. Плунгян. М.: Русские языки, 2002. С. 1–23.
Животиков 1942 — Животиков П. К. Очерк

- грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект). Ханты-Мансийск: Изд. Окр. комиссии по разработке лит. хантыйского языка при Исполкоме Ханты-Мансийского Окросвета деп. трудящихся, Омской области, 1942. 120 с.
- Кастрен 1849 — *Кастрен М. А.* Опыт перевода Остяцкой грамматики съ краткимъ словаремъ. СПб.: Имп. акад. наук, 1849. 125 с.
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. 544 с.
- Мырина 2006 — *Мырина Д. Ф.* Категория падежа в хантыйском языке (сопоставительный аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 27 с.
- Обско-угорский 2022 — Обско-угорский корпус (хантыйский, мансийский языки) // Виртуальная лаборатория Lingvodoc 3.0. 2022. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/corpora_all?language=5321%2C136929 (дата обращения: 10.06.2023).
- Плунгян 2002 — *Плунгян В. А.* О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира: сб. ст. / ред. В. А. Плунгян. М.: Русские словари, 2002. С. 57–99.
- Плунгян 2003 — *Плунгян В. А.* Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
- Терешкин 1961 — *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект). Л.: Наука, 1961. 204 с.
- Хонти 1995 — *Хонти Л.* Ваховский диалект хантыйского языка // Народы Северо-Западной Сибири. сб. ст. Т. 2 / под ред. Н. В. Лукиной. Томск: ТГУ, 1995. С. 3–22.
- Чепреги 2017 — *Чепреги М.* Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.
- Comrie 1988 — *Comrie B.* General Features of the Uralic languages // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik / D. Sinor (ed.). Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1988. Pp. 451–476.
- Csepregi 1998 — *Csepregi M.* Szurguti osztják chrestomathia. Szeged: JATE Finnugor Tanszék, 1998. 183 p.
- Filchenko 2007 — *Filchenko A. Yu.* A Grammar of Eastern Khanty: Dissertation & Theses. Houston, Texas: ProQuest Information and Learning Company, 2007. 564 p.
- Gulya 1966 — *Gulya J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington; the Hague: Indiana Univ., 1966. 207 p.
- Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiastica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p.
- Karjalainen, Vértés 1964 — *Karjalainen K. F., Vértés E.* Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 341 p.
- Stolz 1966 — *Stolz Th.* Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick // Papiere zur Linguistik. 1966. № 54(1). Pp. 3–65.
- Vorobeve, Novitskaya 2020 — *Vorobeve V., Novitskaya I.* Inflectional morphology of nouns in Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, Salym) // Ural-Altaic Studies. 2020. № 3(38). Pp. 33–70.

References

- Castren M. A. Grammar of Ostyak: A Translation (Supplemented with a Concise Dictionary). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1849. 125 p. (In Russ.)
- Comrie B. General features of the Uralic languages. In: Sinor D. (ed.) The Uralic Languages: Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik. Leiden, New York, Copenhagen, Köln: Brill, 1988. Pp. 451–476. (In Eng.)
- Csepregi M. Surgut Khanty Chrestomathy. Szeged: JATE Finnugor Tanszék, 1998. 183 p. (In Khanty and Hung.)
- Csepregi M. Surgut Khanty. Khanty-Mansiysk: Pechatnyi Mir, 2017. 275 p. (In Russ.)
- Filchenko A. Yu. A Grammar of Eastern Khanty: Dissertation & Theses. Houston, Texas: ProQuest Information and Learning Company, 2007. 564 p. (In Eng.)
- Ganenkova D. S. Typology of case meanings: A semantic domain of the prolativ. In: Plungyan V. A. (ed.) Studies in Theory of Grammar. Vol. 2: Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World. Collected papers. Moscow: Russkije Slovarei, 2002. Pp. 1–23. (In Russ.)
- Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, the Hague: Mouton & Co., Indiana University, 1966. 207 p. (In Khanty and Eng.)
- Honti L. Ostyak Chrestomathy. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p. (In Khanty and Hung.)
- Honti L. Vakh Khanty. In: Lukina N. V. (ed.) Peoples of Northwestern Siberia. Collected

- papers. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University, 1995. Pp. 3–22. (In Russ.)
- Karjalainen K. F., Vértés E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 341 p. (In Germ.)
- Melchuk I. A. General Morphology: A Coursebook. Vol. 2. Moscow, Vienna: Yazyki Russkoy Kultury, Wiener Slawistischer Almanach, 1998. 544 p. (In Russ.)
- Mymrina D. F. The Category of Case in Khanty: A Comparative Aspect. Cand. Sc. (philology). Tomsk, 2006. 27 p. (In Russ.)
- Ob-Ugrian Corpus (Khanty, Mansi). On: LingvoDoc 3.0 Platform. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/corpora_all?language=5321%2C136929 (accessed: 10 June 2023). (In Khanty and Mansi)
- Plungyan V. A. An Introduction to the Research Agenda. Moscow: Editorial URSS, 2003. 384 p. (In Russ.)
- Plungyan V. A. More on the specifics of expressing nominal spatial characteristics in verbs: The category of verbal orientation. In: Plungyan V. A. (ed.) Studies in Theory of Grammar. Vol. 2: Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World. Collected papers. Moscow: Russkie Slovari, 2002. Pp. 57–99. (In Russ.)
- Stolz Th. Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick. *Papier zur Linguistik*. 1966. No. 54(1). Pp. 3–65. (In Germ.)
- Tereshkin N. I. Essays on Khanty Dialects: Vakh Khanty. Leningrad: Nauka, 1961. 204 p. (In Russ.)
- Vorobeva V., Novitskaya I. Inflectional morphology of nouns in Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, Salym). *Ural-Altaic Studies*. 2020. No. 3(38). Pp. 33–70. (In Eng.)
- Zhivotikov P. K. A Grammar of Khanty: The Middle Ob Dialect. Khanty-Mansiysk: Commission for the Development of Standard Khanty, 1942. 120 p. (In Russ.)

